

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СИТУАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7

EDN: IBELSQ

«Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования

Ссылка для цитирования: Щенина О. Г. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 112–127. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7; EDN: IBELSQ.

For citation: Shchenina O. G. "Cancel Culture" in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 112–127. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7; EDN: IBELSQ.

**Щенина
Ольга Геннадьевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

oschenina@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 485533

Аннотация. В данной статье рассматривается т. н. cancel culture («культура отмены») как фактор новой социальной реальности, оказывающий влияние на конфигурации постоянно изменяющихся общественных отношений. Вместе с тем показано, что трактовки «культуры отмены» в социально-политическом и социокультурном дискурсе весьма обширны. Предпринята попытка анализа «культуры отмены» в контексте многообразия форм ее проявления, охарактеризованы основные черты и особенности этого явления. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что «культура отмены» представляет собой одну из форм взаимодействия между субъектами социальных отношений. Показано, что «культуру отмены» можно рассматривать и как форму политических отношений, и как технологии, применяемой в настоящее время в разных сферах общественной жизни для достижения определенных политических или бизнес-целей. Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что «культура отмены» получает широкое распространение в связи с переходом к повсеместному использованию информационно-коммуникационных технологий, становлением сетевого общества. А процесс цифровизации, в том числе и социальных отношений, во многом способствует ее экспансии в современном обществе.

Переход к новому типу общества – информационному, сетевому – повлек за собой переход к новым формам и механизмам социальных взаимодействий. В работе отмечается, что ускорение общественного развития оказывает существенное влияние на все стороны жизнедеятельности социума и в том числе систему социальных взаимодействий и отношений. Высказывается предположение о зарождающихся в XXI в. технологиях и механизмах реализации социальных взаимодействий, альтернативных существующим.

С этих позиций утверждается, что «культура отмены» является одной из разновидностей социальных взаимодействий прежде всего в сетевой проекции. Сделан вывод о том, что спектр интерпретации понятия «культура отмены» достаточно широк, исследовательские подходы многообразны и позволяют изучать ее с точки зрения форм и технологий социального взаимодействия, а также как одну из разновидностей моделей коммуникаций.

Феномен «культуры отмены» рассматривается в контексте цифровой трансформации современного общества. На основе анализа процессов цифровизации (в ракурсе рассматриваемого вопроса о взаимосвязи цифровизации и «культуры отмены») отмечается особая значимость политико-правовых и этических аспектов реализации «культуры отмены» в социальных практиках.

Ключевые слова: новая реальность, «культура отмены», социальные отношения, цифровизация, технологии

Введение

Новая реальность современного мира в условиях глобальной турбулентности представляет собой пеструю мозаику форм коммуникаций, отношений, сетей, а также их разнообразных моделей во всех сферах общественной жизни. Они постоянно видоизменяются и процесс этой модификации зачастую похож на броуновское движение либо диффузию. То есть происходящие в обществе перемены характеризуются взаимовлиянием и взаимопроникновением составляющих их компонентов (например, как молекулы и атомы при диффузии). И такое обращение к аналогии из области физики и химии в контексте междисциплинарности представляется нам не случайным.

Поскольку в ситуациях появления иных форм и конфигураций новой реальности происходит ее переосмысление, появляются креативные идеи, гипотезы развития, в том числе и на основе интеграции разных областей знания. При этом следует отметить, что наряду с изменениями материальных факторов современного мира существенным образом меняется и его нематериальная составляющая (например, ценности общества, культура и др.).

Новая социальная реальность проявляется в разных проекциях: социально-политической, экономической, социокультурной. Представляется, что социальная динамика современного мира оказывает существенное влияние на широкий спектр социальных отношений, которые видоизменяются под влиянием процессов глобальной турбулентности. При этом социальные отношения меняют свои конфигурации под влиянием информатизации и цифровизации, а также сетевизации. Однако не только технологические процессы и инновации преобразуют облик социума, не менее значимы и социально-политические последствия их реализации. Нарастающие по экспоненте изменения практически во всех областях системы социальных отношений позволяют специалистам делать выводы об устойчивой тенденции к их модификации. Таким образом, ускорение

общественного развития в нынешнюю эпоху перемен оказывает существенное влияние на все стороны жизнедеятельности социума, в том числе и систему социальных отношений.

Как известно, процессы трансформации социума влекут за собой в том числе и появление новых концептов, категорий, понятий, характеризующих происходящие перемены, так, например, «новые социальные формы порождают новое в языке» [6, с. 4]. К такого рода феноменам в полной мере относится т. н. cancel culture («культура отмены»), которая все чаще вызывает широкий общественный резонанс при ее реализации на практике.

Возрастающий исследовательский интерес к этому феномену политологов, социологов, философов, лингвистов и других специалистов в области прежде всего социально-гуманитарного знания свидетельствует о зарождающихся в XXI в. альтернативных существующим технологиям и механизмах реализации социальных взаимодействий.

В политическом дискурсе все чаще высказывается мнение о незначительном влиянии «культуры отмены» на политический процесс, и эта точка зрения преобладает в среде специалистов. При этом, однако, подчеркивается, что она может выступать как средство политического давления на оппонентов в контексте ее применения в коммуникативных политических практиках. Новая социальная реальность сетевого общества формирует в процессе становления новое коммуникативное пространство, которое модифицирует пространственно-темпоральные характеристики современного общества. В этой связи особое значение приобретают вопросы научного анализа общественных трансформаций и поиска адекватных интерпретационных моделей общественных отношений. В этом отношении дискурс, связанный с «культурой отмены» также представляется важным предметом исследования.

О дефинициях «культуры отмены»

Термин «культура отмены» (cancel culture) или канселлинг появился в социально-политическом дискурсе относительно недавно и получил распространение в течение последнего десятилетия. Употребление его в качестве научной категории пока еще не имеет широкого распространения. Чаще всего его употребляют в негативном контексте по отношению к оценкам действий, точек зрения, мнений людей и групп.

В политической повестке это понятие применяется для характеристики политических практик, при изучении эффективности применения политических технологий в области политических коммуникаций. В более широком смысле оно используется при анализе трансформаций существующей системы международных отношений и современного мира в контексте описания тенденций развития и поисков путей преодоления политического кризиса. Сюда относятся попытки «отмены» нашей страны – России – в системе международных отношений (и особенно в области искусства, спорта, шоу-бизнеса), которые могут рассматриваться как «инструмент политического давления» [4, с. 220].

Зачастую термин «культура отмены» используется для выражения неодобрения, отрицания позиции человека или группы по социально значимым проблемам, то есть как элемент социального контроля и оказания давления на инакомыслящих.

Термин получил достаточно широкое распространение в связи с технологическими возможностями социальных сетей, принципиально изменяющими формы коммуникаций между пользователями. В 2020 г. издатели Оксфордского словаря в докладе «2020. Слова беспрецедентного года»¹ выделили 16 терминов, которыми можно охарактеризовать ситуацию в мире, ключевые тенденции, процессы и явления, среди них была и «культура отмены». Следовательно, есть основания признать, что она прочно вошла в нашу жизнь и является сегодня одним из факторов социальной реальности.

Проблематика, сопряженная с «культурой отмены» вызывает интерес в обществе и уже находит отражение в работах отечественных исследователей. Так, А. Ф. Фефелов обращает внимание на дискурс «культуры отмены» в лингвистическом ракурсе (лингвистическом значении и смысле), а также останавливается на вопросах перевода с английского этого термина и его интерпретации [8]. На основе лингвокультурного и переводческого анализа рассматриваемого феномена «культура отмены» им выдвигается идея дихотомии в переводе термина: как «культура отмены» и «отмена» культуры.

П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина в своем исследовании сосредотачиваются на роли «новых медиа» в распространении «культуры отмены» и предлагают ее феноменологический анализ [2]. Кроме того, авторами выявлены и проанализированы социокультурные и социально-политические аспекты рисков и угроз в контексте информационной безопасности при реализации в российских практиках «культуры отмены».

Э. А. Новосёлов анализирует различные аспекты ее проявления в современной России в условиях санкционного давления на примерах попыток «отмены» нашей страны в разных сферах: экономике, политике, культуре [4]. Автор предлагает рассматривать «культуру отмены» как «политический инструмент давления» на Россию на основе анализа ряда кейсов российской действительности [4, с. 223]

И. А. Быков, изучая «культуру отмены» в контексте политического дискурса, рассматривает ее как «разновидность агрессивных коммуникаций» и делает вывод, что «...ее влияние на политическую повестку и, тем более, на политический процесс значительно ограничено» [1, с. 14]. Применение методологии критического дискурс-анализа прежде всего для анализа политических практик позволило автору представить широкую палитру мнений и подходов к исследованию значения и места «культуры отмены» в российском обществе.

Вместе с тем следует отметить – большинство специалистов на основе комплексного изучения практик «культуры отмены» в нашей стране полагают, что она не получила широкого распространения. В ракурсе рассмотре-

¹ Word of the Year 2020 // OxfordLanguages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (дата обращения: 27.05.2023).

ния актуальной политической повестки дня характеристику причин и факторов ее незначительного влияния на российский политический процесс предлагают А. В. Никитин, О. М. Орлинская, П. В. Седаев, С. В. Устинкин, А. А. Фоменков [3]. Авторами выявлены и проанализированы факторы, которые оказывают влияние на незначительное распространение «культуры отмены» в нашей стране. Среди них можно выделить традиции политической культуры, политику исторической памяти, символическую политику.

С. В. Чугров отмечает важную роль в этом особого «социокультурного кода нации» [11, с. 91] на основе исторического и философского анализа рассматриваемого вопроса. На основе изучения генезиса «культуры отмены» в мировой политике в социокультурном контексте он выделяет ряд факторов, оказывающих влияние на такие практики и широту их распространения. В контексте анализа современных российских реалий автором сделан вывод о том, что «великая история и культура, литература и искусство становятся стержнем, который позволит сохранить идентичность и целостность России» [11, с. 96].

Поскольку «культура отмены» многозначна в определениях и трактовках, следует рассмотреть многообразие и даже некоторую сложность ее дефиниций. Поэтому, на наш взгляд, при характеристике данного явления вполне возможно использовать в смысловом контексте не только термин, имеющий точно определенное значение, но и как общее понятие «культура отмены» в более широком смысле. Это позволит интерпретировать более полно ее содержание, признаки, свойства.

Поскольку изучение «культуры отмены» в теоретико-методологическом плане началось сравнительно недавно, выделим на основе анализа дефиниций рассматриваемого феномена несколько его граней. Упомянутые выше авторы предложили следующие исследовательские ракурсы трактовки культуры отмены: факторы ее распространения; агрессивные коммуникации; политический инструмент давления; риски и угрозы; дуализм трактовок.

Перейдем к рассмотрению дефиниций этого весьма неоднозначного феномена современного общества. Во-первых, это «цифровой бойкот», который может применяться по отношению к отдельным людям или же целым социальным группам; во-вторых, публичная демонстрация уклонения от отношений в любых формах и проявлениях с данным человеком (как правило, публичным, известным) или же представителями социальной группы. В-третьих, это «феномен массовой критики людей в социальных сетях и на публичных информационных платформах» [2, с. 163]; и в-четвертых, «cancel culture» есть способ поведения общества или группы людей, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать какого-либо человека, потому что он сказал или сделал что-то оскорбительное» [9, с. 37].

Следует отметить, что понятие «культура отмены» в ряде публикаций употребляется как синоним невежества, необразованности, отсталости и в целом как характеристика бескультурья. Существует мнение, что ее можно рассматривать и в качестве контркультуры в рамках дихотомии

«доминирующая культура – контркультура». Кроме того, применение «культуры отмены» по отношению к отдельному человеку или социальной группе можно анализировать и в ракурсе восстановления справедливости [7]. То есть в ситуациях конфликтов или скандалов в публичном пространстве возможно игнорирование их участников как попытка восстановления стабильности. А также привлечение кого-либо к ответственности за публичные высказывания или поступки в том числе и при наличии у человека высокого социального статуса. Однако обвинения могут быть необоснованными и тогда это может быть представлено как организация гонения на человека или группу лиц, или их преследование по сугубо политическим мотивам, что влечет за собой репутационные риски и репутационный ущерб прежде всего для медийных персон.

Таким образом, практики реализации «культуры отмены» позволяют трактовать ее и как процесс, например, отстранения от публичного пространства, публичную изоляцию и др. Вместе с тем, на основе анализа социальных практик «культуры отмены» уместным выглядит предположение о ее технологической компоненте. То есть она является социальной технологией, которая применяется достаточно активно в разных сферах общественной жизни.

Представляется, что в процессе анализа дефиниций «культуры отмены» возможно выделить два направления исследований. Во-первых, рассмотрение «культуры отмены» как социально-политической технологии. Технологический компонент может быть представлен как совокупность технологических условий ее реализации: медиaprостранство; манипулирование общественным мнением; технология информационной/гибридной войны; виртуальная среда; социальная технология.

Безусловно, перечень условий может быть дополнен и расширен, при этом следует отметить, что каждая составляющая в равной степени оказывает влияние на возможности применения «культуры отмены» и на последствия ее реализации.

Во-вторых, изучение форм и видов социально-политических практик «культуры отмены». Их многообразие предполагает в свою очередь множественность оценок и трактовок рассматриваемого феномена, среди которых общественное порицание; социальная справедливость; цифровая культура и аксиологический аспект ее применения и т. п.

Как упоминалось выше, «культура отмены» получает распространение в условиях активного использования информационно-коммуникационных, прежде всего цифровых технологий. Следовательно, это одна из разновидностей социальных взаимодействий прежде всего в сетевой проекции.

Однако если мы обратимся к истории, то увидим, что такая форма социально-политических отношений существовала задолго до появления интернета и социальных сетей как одна из форм социального бойкота (остракизма) человека или группы лиц. Так, в Древней Греции остракизм (собственно, этот термин там и возник) использовался как средство борьбы с политическими противниками, например, их «отмены» в системе государственного управления, равно как и для недопущения тирании.

Следует отметить, что в Древнем мире такая форма политических практик являлась скорее исключением, нежели правилом. Аристотель в трактатах «Политика» и «Афинская полития» приводит множество примеров ostracism и дает теоретическое обоснование этого феномена.

Таким образом, спектр интерпретации понятия «культура отмены» достаточно широк, исследовательские подходы многообразны и позволяют рассматривать его с точки зрения анализа форм и технологий социального взаимодействия, а также как одну из разновидностей моделей коммуникаций.

«Культура отмены» в условиях цифровизации

В условиях цифровизации всех сторон жизни современного человека, поскольку она становится одним из основных трендов развития общества, особую роль начинают играть цифровые возможности людей, групп и государства в целом. По мнению исследователей цифровизации, современный цифровой мир характеризуется «1) гигантскими скоростями передачи информации и знаний; 2) гигантскими объемами запоминающих устройств; 3) гигантскими скоростями поиска и распознавания данных в базах данных и знаний; 4) глобальными масштабами передачи и распространения социально- и индивидуально-значимых информации, и знаний. Все это обуславливает быстрое распространение знаний, особенно научных, и их влияние на технологический и социальный прогресс» [5, с. 35]. Тем самым на наших глазах формируется новая «социально-цифровая» реальность, оказывающая существенное влияние на жизнедеятельность общества.

Новая цифровая реальность оказывает влияние на поведение и сознание современного человека прежде всего посредством социальных сетей, которые фактически представляют собой технологическую площадку реализации возможностей организации его «цифровой жизни». Одной из сторон последней может выступать и «культура отмены» как разновидность современных моделей социальной коммуникации.

Обратимся к некоторым примерам «культуры отмены» в контексте российских реалий, которые немногочисленны, поскольку эта модель социальных коммуникаций не получила широкого распространения в российском обществе. Достаточно вспомнить кейсы «культуры отмены» в российской действительности: одним из первых, получивших широкую огласку примеров «культуры отмены», стала рекламная компания сети ресторанов «Тануки» в 2020 г. В рекламе заведений использовались изображения людей с лишним весом, а также предпринималась попытка сопоставить предлагаемый ассортимент блюд с отличиями людей по расовым признакам (цвет блюд – цвет кожи). Предложивший идею этой рекламной компании А. Фрольченков лишился должности руководителя SMM-отдела, однако сеть ресторанов «Тануки» в результате скандала приобрела внимание и известность у посетителей.

Одним из примеров практики «культуры отмены» в российском обществе стало интервью в 2020 г. с телеведущей Региной Тодоренко о домашнем насилии, после которого она подверглась травле в публичном пространстве. Однако ей удалось восстановить репутацию и вернуться в профессиональную сферу после многочисленных извинений и выпуска в прокат документального фильма о домашнем насилии и роли женщины в этих ситуациях.

Не менее широкую известность получили и высказывания Ксении Собчак, выразившей в 2020 г. в одном из своих аккаунтов неоднозначно трактуемое отношение к протестам в США. Вследствие чего она подверглась обвинениям в расизме, а автомобильный концерн Audi разорвал с ней рекламный контракт после длительного сотрудничества.

После начала специальной военной операции в 2022 г. на Западе началась мощная кампания по отмене нашей страны – России – практически по всем направлениям. Например, были отменены концерты Анны Нетребко, Дениса Мацуева, Валерия Гергиева и др., то есть предпринимались значительные усилия для «отмены» российских деятелей культуры. Были отмечены попытки сорвать постановки классических балетов «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» только по причине того, что они созданы русским композитором и т. п. Практики культуры отмены в отношении России проявляются в разрыве отношений между ведомствами и организациями в науке, образовании, культуре, спорте, бизнесе и других сферах. Так, многие учреждения культуры европейских стран прервали все контакты с давними партнерами в РФ, российским спортсменам был закрыт доступ к участию в международных соревнованиях и т. д. Сегодня можно привести уже сотни и даже тысячи примеров отмены России в самых разных областях на фоне принятия 12-го пакета санкций против нашей страны, однако всем очевидно, что эти попытки провалились. Достаточно вспомнить, что Президент РФ В. В. Путин еще в апреле 2022 г. заявил: «Жестко изолировать в современном мире вообще невозможно никого, такую огромную страну, как Россия, так точно невозможно. Поэтому мы будем работать с теми нашими партнерами, которые хотят взаимодействовать»¹.

Анализируя ситуации применения «культуры отмены» прежде всего в социально – политических практиках, ряд специалистов отмечают возможности этой технологии для манипулирования общественным мнением.

Поскольку реакция общественного мнения на практики «культуры отмены» разнообразна, следует учитывать в этой связи феномен «спирали умолчания», предложенный Э. Ноэль-Нойман. Так, «Э. Ноэль-Нойман представляет более позитивный взгляд на влияние мнения большинства на меньшинство, принимая в качестве отправной точки понятие «общественное мнение». Страх перед социальной изоляцией приводит многих людей к отказу от некоторых своих изначальных представлений – с целью достичь

¹ Путин: Беседа с работниками космодрома Восточный [Электронный ресурс] // Президент России. 12.04.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/regions/AMU/events/68180> (дата обращения: 27.05.2023).

компромисса с общественным мнением» [10, с. 275]. И это еще один из ракурсов возможного изучения феномена «культуры отмены» – манипулирование общественным мнением и массовым сознанием, а также поведением человека. Тем самым актуализируется вопрос изменения сознания людей под влиянием информационных потоков в информационном обществе.

Следовательно, особый исследовательский интерес в области социально-гуманитарного знания представляют антропологические аспекты информационного общества.

Какова же связь цифровизации и «культуры отмены»? Особую роль здесь будут играть цифровые платформы, которые предоставляют технологические возможности применения «культуры отмены» на практике. Именно они преимущественно обеспечивают сетевые коммуникации, создают возможности для участия в цифровом пространстве.

Деятельность современного человека во многом осуществляется на основе информационно-коммуникационных технологий. В этом контексте следует учитывать и «цифровые разрывы» среди населения, рассматриваемые прежде всего как неравенства в доступе к интернету и другим цифровым возможностям. Так число пользователей интернета в мире превысило 5 млрд человек из 8 млрд жителей Земли и составило в 2023 г. 5,16 млрд чел.¹, то есть более половины населения планеты имеют доступ в интернет и, следовательно, обладают хотя бы минимальными цифровыми компетенциями.

Вместе с тем, важную роль играют цифровые навыки населения, особенно цифровая грамотность. По данным национальной программы «Цифровая экономика РФ» уровень цифровой грамотности россиян должен составить 38% в 2023 г.² Безусловно, достигнутый уровень будет оказывать существенное влияние на качество цифровой жизни людей, например, в сфере политики расширять либо, наоборот, ограничивать способы и формы участия граждан в политической жизни, оказании влияния на принятие политических решений и т. д. Так, переход к созданию цифрового профиля гражданина на портале Госуслуг позволил объединить огромные массивы данных на одной технологической платформе и обеспечить эффективное получение информации в многообразных форматах в области предоставления государственных услуг населению. Переход на цифровой рубль в ближайшее время потребует совершенствования цифровых навыков населения, а у отдельных возрастных когорт (пожилые люди) и их формирования в целом.

Социальную значимость цифровизации для населения с точки зрения предоставления услуг государством трудно переоценить. Вместе с тем следует упомянуть о ее рисках, например, получение доступа третьими лицами к конфиденциальной информации или «утечка» персональных дан-

¹ Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] // Общий отчет: URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/#> (дата обращения: 27.05.2023).

² Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 04.06. 2019 г. [Электронный ресурс] // Методические материалы национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации: URL: <https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/> (дата обращения: 27.05.2023).

ных. И в этих условиях при повышении доступности к цифровому профилю человека расширяются возможности цифрового бойкота на основе полученной третьими лицами информации, что может повлечь серьезные репутационные риски. Цифровой бойкот как элемент культуры отмены предполагает исключение человека из цифровой системы по определенным основаниям. Так, могут блокироваться профили неугодных в социальных сетях, отсекается их доступ к определенным цифровым услугам, а в перспективе – блокироваться банковские счета, что может лишить средств к существованию. Последнее вызывает опасения у многих, что отражается в публичном дискурсе. Возникновение этого социального явления в условиях цифровизации ставит в общественную повестку вопросы цифровой этики, цифровой грамотности и цифровой безопасности человека. Поэтому «не менее значимы для высокого уровня цифровой грамотности оказываются знания, умения и навыки социально-психологического и этического характера, которые позволяют противостоять многочисленным угрозам» [12, с. 94].

В сетевом обществе становятся все более востребованными для современного человека навыки защиты своих прав и свобод в инфо-цифро-сетевом пространстве. Мы сегодня являемся свидетелями зарождения нового права, права цифровой эпохи – возникает «...право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов и искусственного интеллекта»¹. Этой тематике начинает уделяться все большее внимание в социально-политическом дискурсе, поскольку цифровая трансформация преобразует практически все стороны жизнедеятельности людей.

Представляется, что в контексте рассматриваемого вопроса о взаимосвязи цифровизации и «культуры отмены» приобретают особое значение именно политико-правовые аспекты. Ведь трактовка «культуры отмены» в негативном ракурсе предполагает санкции со стороны общества за нарушение социальных норм, одной из разновидностей которых являются нормы правовые.

Особый исследовательский интерес представляет и еще один ракурс трактовки рассматриваемого в данной статье понятия «культура отмены» – ее этический, нравственный компонент. Этот термин часто используется специалистами при характеристике так называемой «новой этики», которая иногда употребляется в том числе и в качестве синонима «культуры отмены». В повестке социокультурного дискурса тем самым формируется дилемма «старой» и «новой» этики. Хотя, на наш взгляд, в этом проявляется специфика дуализма новой социальной реальности – ее виртуальной и социальной (реальной) форм, поскольку «культура отмены» получила свое развитие прежде всего в социальных сетях, принадлежащих виртуальному миру. Таким образом, как упоминалось выше, переход к новому типу общества – информационному, сетевому – повлек за собой переход к новым формам и механизмам социальных взаимодействий.

¹ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 7578 (115). 29 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 27.05.2023).

Обратимся к результатам социологического опроса о «культуре отмены» и «новой этике» 2021 г., который проводился международным коммуникационным агентством PBN Hill+Knowlton Strategies и независимым исследовательским агентством MAGRAM Market Research. В этом исследовании предлагалась следующая трактовка «новой этики»: «человек осознает, что в обществе существуют некие группы людей с отличными от его интересов и что ему необходимо жить так, чтобы не задевать ни свои интересы, ни их»¹. 63% россиян высказались за то, что России нужна «новая этика», однако всего 7% населения страны знают этот термин².

По мнению большинства опрошенных, в ракурсе «новой этики» требуют решения вопросы экологии, инклюзивности, домашнего насилия, политики, равноправия в семье и карьере. Вместе с тем, не утратили актуальности в этом контексте интересы социально-демографических групп, прежде всего к ним можно отнести проблемы и права молодежи, пожилых людей. Следовательно, «новая этика» включает не только мораль как ее основную составляющую, но и социальный, демографический, политический компоненты.

Авторами исследования сделан вывод о формировании в российском обществе «культуры отмены» в том числе и на основе анализа отношения россиян к тем или иным брендам в зависимости от социальной позиции и социальных действий фирмы или компании. Три четверти респондентов уверены в том, что фирмы учитывают их мнение на основе онлайн-коммуникаций с брендом посредством сетей, например, отзыв на сайте компании. В случае неодобрения или негативной реакции на политику компании около трети россиян допускают отказ от покупок товаров и услуг этого бренда, то есть его «отмену». А это повлечет для бизнеса финансовые и имиджевые потери, восстановить репутацию бренда в глазах потребителя будет сложно. То есть социальная составляющая деятельности фирм и компаний приобретает все большую значимость в сетевом обществе.

Таким образом, «культура отмены» в условиях цифровизации получает широкое распространение благодаря прежде всего развитию цифровых технологий, которые позволяют не только обеспечить коммуникации, маршрутизацию информационных потоков, но и приводят к изменениям социума. В цифровом пространстве современного мира зарождаются новые формы, модели реализации социальных взаимодействий и отношений. Кроме того, применение технологий Big Data или искусственного интеллекта позволяет на принципиально ином уровне на основе массивов данных проводить качественный анализ состояния социума и прогнозировать тенденции его развития. Тем самым цифровизация во многом изменяет наши представления о влиянии быстро развивающихся технологий на жизнедеятельность общества.

¹ Федорова Е. Возможна ли «культура отмены» в России? // Агентство Социальной Информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/10/15/kultura-otmeny/> (дата обращения: 27.05.2023).

² Федорова Е. Возможна ли «культура отмены» в России? // Агентство Социальной Информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/10/15/kultura-otmeny/> (дата обращения: 27.05.2023).

Заключение

Обращение к проблематике «культуры отмены» политологов, философов, социологов, лингвистов связано с активным исследовательским поиском объяснительных моделей, научных подходов и интерпретаций новых явлений и процессов действительности, стремлением сформулировать адекватные им объяснительные модели и теоретические концепты.

В заключение следует отметить, что «культура отмены» представляет собой одну из форм взаимодействия между субъектами социальных отношений. Уместным представляется рассмотрение «культуры отмены» в качестве социальной технологии, которая применяется в настоящее время достаточно активно в разных сферах общественной жизни.

К специфическим характеристикам «культуры отмены» относится множественность ее трактовок и подходов, среди которых следует обратить внимание на ряд аспектов. Прежде всего это технологический контекст ее реализации: виртуальная среда; социальная технология; технология информационной / гибридной войны; манипулирование общественным мнением; медиапространство. Многообразие трактовок ее видов и форм основано на оценке коммуникативных практик: рассмотрение ее как элемента цензуры в обществе; проявление агрессии в публичном пространстве; усиление ответственности человека за слова и поступки (мера его личной ответственности); ограничение свободы слова; проявление нетерпимости к другому мнению; исключение человека из публичного пространства; преследование за публичные высказывания или действия др. Практики повседневности свидетельствуют о том, что «культура отмены», безусловно, влияет на общественную повестку дня.

Востребовано регулирование цифро-сетевой среды на основе этических и правовых норм. Важную роль при этом будет играть аксиологический аспект, ведь «культура отмены» переформатирует ценности общества, подвергая их сомнению, коррозии или наоборот, стоит на страже основных ценностей и способствует их сохранению. Возникает ряд закономерных вопросов: «Каковы эффекты «культуры отмены» – позитивные, негативные или нейтральные? Насколько применимы к характеристике «культуры отмены» оценки: позитивные/негативные последствия, рациональные/нерациональные действия?»

И еще один немаловажный вопрос: Возможно ли объяснение смысла «культуры отмены» на основе использования понятия «цифровая культура»? С точки зрения ее технологической составляющей представляется очевидным положительный ответ на этот вопрос. Однако нравственный аспект как неотъемлемый элемент ее реализации на практике, в силу негативных, как правило, последствий для отдельных персон, позволяет отнести ее скорее к контркультуре как специфическому виду культуры. Вместе с тем следует отметить, что в условиях цифровизации общества формируется цифровая культура и «культура отмены» является одной из ее форм. Цифровая среда рассматривается как площадка для реализации различного рода коммуникативных практик, в том числе и «отменяющих».

Изучение феномена «культуры отмены» тесно связано с коннотациями социальной справедливости. Поскольку часть пользователей социальных сетей придерживается мнения о том, что отмена в публичном

пространстве, например, публичных или медийных персон является справедливой и может рассматриваться как реакция отдельных пользователей или общественного мнения на их неприемлемые высказывания или поведение. То есть демонстративная отмена человека или группы лиц может быть определена как проявление нетерпимости по отношению к кому-либо или проявление конфликтности некоторых групп. Многие исследователи проблематики «культуры отмены» используют для оценки подобной ситуации термин «порицание» или «общественное порицание». В повестке политического дискурса в этом ракурсе возможен пересмотр контекста влияния лидеров мнений в виртуальном пространстве.

При этом следует учитывать, что виртуальное пространство создает новый формат связей и отношений между людьми на основе информационно-коммуникационных технологий. Они существенно преобразуют коммуникативные социально-политические практики, в том числе расширяя возможности изоляции человека (реальной и виртуальной). В этой связи следует учитывать и технологические возможности для использования в этом контексте искусственного интеллекта.

Таким образом, «культура отмены» получает свое развитие в условиях становления сетевого общества и социальных сетей, которые реформируют культурное пространство современного мира. Одним из перспективных направлений исследований феномена «культуры отмены» представляется социокультурный анализ влияния глубинных трансформаций общества на сферы общественной жизни в контексте многообразия социальных практик, в том числе и культурных.

Востребована методологическая проработка новых социологических и политологических концептов, адекватных реалиям современного мира, в том числе и «культуре отмены». О возрастании исследовательского интереса к рассматриваемой в статье проблематике свидетельствует расширение тематики политического и методологического дискурса по вопросам трансформаций современного мира прежде всего в контексте коммуникативных практик.

Библиографический список

1. Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник КБГУ: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–26. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002; EDN: WGWYYI.
2. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник МЛГУ. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2(857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162; EDN: SCWOWZ.
3. Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В. и др. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9046; EDN: LCISEH.

4. Новоселов Э. А. «Культура отмены» как инструмент политического давления // Культура и природа политической власти: теория и практика / Под ред. А. А. Керимова. Екатеринбург, 2022. С. 220–226. EDN: GDJGWG.
5. Ракитов А. И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 33–47. EDN: WKELMZ.
6. Стригин М. Б. Топология социального, или Диаграммы метафизики мышления. От когнитивности атома до мирового разума / Под ред. А. В. Маркова, Е. С. Степченко. СПб: РХГА, 2022. 410 с. EDN: YZYASE.
7. Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 34–37. DOI: 10.24158/spp.2022.3.5; EDN: GEJPVR.
8. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 126–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144; EDN: HPGCVR.
9. Филиппович Ю. С., Стрекалов Г. С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 1(26). С. 36–41. DOI: 10.21626/j-chr/2021-1(26)/5; EDN: VSJORL.
10. Хинес Х. «Эффект фургона с оркестром и эффект неудачника» // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С. У. Ларсена. М.: РОССПЭН, 2009. 751 с.
11. Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88–98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07; EDN: XZKRO.
12. Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 94. EDN: VSDBPB.

Получено редакцией: 28.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенина Ольга Геннадьевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политологии и политической социологии, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7

“Cancel Culture” in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities

Olga G. Shchenina

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: oschenina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2801-2612

For citation: Shchenina O. G. "Cancel Culture" in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 112–127. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.7; EDN: IBELSQ.

Abstract. The article discusses the so-called "cancel culture" as a factor in the new social reality, influencing the configuration of constantly changing social relations. At the same time, it is shown that the interpretations of "cancel culture" in sociopolitical and sociocultural discourse are very extensive. An attempt has been made to analyse "cancel culture" in the context of the variety of forms of its manifestation, and the main features and characteristics of this phenomenon are described. As a result of the analysis, it was concluded that "cancel culture" is one of the forms of interaction between subjects of social relations. It is shown that "cancel culture" can be considered both as a form of political relations and as a technology currently used in various spheres of public life to achieve certain political or business goals. At the same time, attention should be paid to the fact that "cancel culture" is becoming widespread in connection with the transition to the widespread use of information and communication technologies and the emergence of a network society. And the process of digitalisation, including social relations, largely contributes to its expansion in modern society.

The transition to a new type of society – information, network society – entailed a transition to new forms and mechanisms of social interactions. The work notes that the acceleration of social development has a significant impact on all aspects of social life, including the system of social interactions and relationships. It is suggested that technologies and mechanisms for the implementation of social interactions, alternative to existing ones, are emerging in the 21st century. From these positions, it is argued that "cancel culture" is one of the types of social interactions, primarily in network projection. It is concluded that the range of interpretation of the concept of "cancel culture" is quite wide, research approaches are diverse and make it possible to study it from the point of view of forms and technologies of social interaction, as well as one of the varieties of communication models.

The phenomenon of "cancel culture" is considered in the context of the digital transformation of modern society. Based on the analysis of digitalisation processes (from the perspective of the considered issue of the relationship between digitalisation and "cancel culture"), the special significance of the political, legal and ethical aspects of the implementation of "cancel culture" in social practices is noted.

Keywords: new reality, "cancel culture", social relations, digitalisation, technology

References

1. Bykov I. A., Ahmedova YU. D. Cancel culture in the political discourse of modern Russia. *Vestnik KBGU: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slovesnost'*, 2021: 1: 1: 14–26 (in Russ.). DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002; EDN: WGWYYI.
2. Bylevskij P. G., Cackina E. P. Phenomenological analysis the notion «cancellation culture». *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2022: 2(857): 162–169 (in Russ.). DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162; EDN: SCWOWZ.
3. Nikitin A. V., Orlinskaya O. M., Sedaev P. V. et al. Cancel culture: reasons for development challenges in Russia. *Vlast'*, 2022: 30: 3: 65–69 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9046; EDN: LCISEH.
4. Novoselov E. A. "Cancel Culture" as an instrument of political pressure. In *Culture and the nature of political power: theory and practice*. Ed. by A. A. Kerimov. Yekaterinburg, 2022: 220–226 (in Russ.). EDN: GDJGWG.
5. Rakitov A. I. A man in the digital world. *Filosofskie nauki*, 2016: 6: 33–47 (in Russ.). EDN: WKELMZ.
6. Strigin M. B. Topology of the social, or Diagrams of the metaphysics of thinking. From the cognitiveness of the atom to the world mind / Ed. by A. V. Markov, E. S. Stepchenko. St. Petersburg, RHGA, 2022: 410 (in Russ.).
7. Subbotina M. V. Cancel culture: a manifestation of social justice or a new way of manipulation. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2022: 3: 34–37 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2022.3.5; EDN: GEJPVR.
8. Fefelov A. F. The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs "Logic". *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2022: 20: 1: 126–144 (in Russ.). DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144; EDN: HPGCVR.

9. Filippovich YU. S., Strekalov G. S. Some features of cancel culture. *Kollekciya gumanitarnyh issledovanij*, 2021: 1(26): 36–41 (in Russ.). DOI: 10.21626/j-chr/2021-1(26)/5; EDN: VSJORL.
10. Hines H. Theory and methods in Modern Political Science: The First Attempt at Theoretical Synthesis. Ed. by S. U. Larsen. Transl. from Eng. by E. A. Zhukova. Moscow, ROSSPEN, 2009: 751 (in Russ.).
11. Chugrov S. V. Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2022: 5: 88–98 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07; EDN: XZKDRO.
12. SHarikov A. V. Digital Literacy: A Four-Component Model. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 2016: 14: 1: 87–98 (in Russ.). EDN: VSDBPB.

The article was submitted on: June 28, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga G. Shchenina, Candidate of Political Sciences,
Leading Researcher of the Center for political science and political sociology,
Institute of Sociology of FCTAS RAS